

Любовь СТРАХОВА:

«Краду стихи — из глаз голубых...»

Утопия осени

Утопия осени в рыже-бордовых заплатах
Вальсирует мокрыми парками,
вечно без пары.
Приветливо льнёт к одиноким зонтам
провожаемых,
Вдыхая тепло изо рта выходящего пара.

Кленовые вспышки венчают
природные циклы,
В предсмертной агонии выступив
главным симптомом.
К танцующей смерти
как будто бы легче привыкнуть:
Мне жалобы ветра в круженье
не кажутся стоном.

Снимаются шляпки прощально
(ножом перочинным).
И раз-два-три, раз-два-три —
в цепкие лапы норд-осту,
Суля утешенье на финише —
яркой кончиной,
Пока не накроет безмолвие белая простынь.

Растрёпанный месяц застыл
безыскусной виньеткой.
Гортань надрыдают вороны:
их песня не спета.
И небо до ливня царапают голые ветки,
И сердце до крови царапает осень поэту.

Кража

Краду стихи — из глаз голубых,
Из светлой грусти живой мишени,
Чтобы в катрены трофеи сбить.
Я не поэт, а вор и мошенник.

Краду по букровке, мелочусь,
В слова сгущаю до концентрата.
Призвание вижу в огранке чувств —
Как ювелир, дорожу каратом.

К чему смотреть ночью на звезду,
Подачки ждать от муз своенравных?
Ведь из улыбки твоей краду
Стихи, которым не будет равных.

Не в жадном поиске барыша,
А для души краду — деликатно.
Краду их в столбики, чуть дыша,
И... возвращаю тебе обратно.

«Сапсан»

Железные дорожки морщин
Проложили годы на карте лица.
Меньше смеёмся, больше молчим —
Сосчитать отличий от мертвеца,
Где замерла временная ось,
Тщеты отчаянные рывки.
В скоростные трассы для слёз —
Множественные желобки.
Смятое бельё — уютном,
Не оглядываться назад.
Себя, загрузившую ни о ком, —
Кремом для тех, кому за...
По несуществующим адресам
Через родинки-города
Мчитя неугомонный «Сапсан»,
Пока есть куда...

Променад

Время, не останови музыку внутри меня,
Не ходи по пятам с косой да вразвалочку,

Любовь СТРАХОВА родилась и проживает в Ярославле, стихи пишет с детства. После окончания школы в 1993 году поступила в Ярославское училище культуры на специальность «руководитель театрального коллектива», чуть позже «Северный край» опубликовал первую подборку её стихов. Ушла с первого курса филологического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, о чём потом немного жалела. Работала на Ярославском почтамте оператором и сортировщиком, потом четыре года трудилась на Ярославском шинном заводе составителем навесок ингредиентов и приёмщицей полуфабрикатов. Но тяга к творчеству не давала душе покоя — в 2008 году Любовь поступила в Литературный институт им. М. Горького на семинар драматургии и сейчас учится на четвёртом курсе заочного отделения. А в 2010 году она приняла участие в 10-м форуме молодых писателей России.

Спрячь откованную дирижёрскую палочку —
Отсрочи наш прощальный променад.

Позже умение слышать зачтётся мне,
Где вечности нанимаешься ты в прислугу.
Напряги вековое ухо, доверься слуху —
Обращаюсь с элементарной
частицей «не»:

Не дыши в спину законом тождества,
Не души грудь пригретой анакондой.
Зиждется мир на трёх аккордах,
Во мне же — бесчисленное множество.

И величием одичалых консерваторий
Не пытайся звуки выманить или выменять!
Смысл быть только в музыке
— внутри меня,
Чтобы вслушиваться и вторить,

Даже если нет в глазах любви (нет любви?),
Даже если нет мало-мальского азарта.
Не суди предвзято, раз ноты взяты!
Да не останови музыку, не останови!

Зоя ИГНАТОВА

Котёнок

РАССКАЗ

Алевтина Фёдоровна работала в столовой детского оздоровительного лагеря уже почти двадцать пять лет. Она пришла сюда ещё молодой девушкой, потом вышла замуж: здесь же, в этой столовой, они сыграли свадьбу. Сейчас она порядком располнела, и от той гибкой и симпатичной девушки не осталось практически ничего. Глаза её посерели, волосы выцвели. Как все работницы кухни, она стала крикливой и грубоватой. Так как чаще всего она работала с мясом, её фартук

нимаясь по ступенькам до квартиры. В дверях она столкнулась с мамой. Та быстро обронила:

— Я сейчас вернусь.
Аля вошла домой и сразу вспомнила про котёнка.
— Кс-кс-кс! — позвала она, но никто не выбежал на её голос. «Спит?» — подумала она и громче позвала:
— Кс-кс-кс!!!
Тишина. Ни мяуканья, ни возни.

Аля заглянула под диван, под шкаф, побежала на кухню, весело прыгая косичками и

Фокус

С больничной койки меняешь фокус:
Вот оно — главное, а незначительное — вон.
Главное — на запястье прощупывается пульс,
Незначительное — у главврача
вкрадчивый баритон.

Здесь сознаёшь,
по ком вороньё горланит,
По ком склянки бренчат в процедурной
уже несколько дней.
И кутаешься в белое, и путаешь
санитарку с духовником,
Исповедуясь для чего-то перед ней.
Тщательно чистишь матрицу от налёта
прежней боли,
Крутишь туда-сюда несговорчивые линзы.
Хватит ли выдержки —
выслушать плачущие колокольни,
Вытерпеть скорбные ханжеские лица?..

Но по капельнице в вену булькает оптимизм,
Увеличивая резкость, кадрируя каждый миг.
Главное — моя короткая несуразная жизнь,
Незначительное —
беспредельный безумный мир.

Стекольщик

Стекольщик любит свежим срезом.
На мускулистых руках — наколки.
Умело искромсанный стеклорезом,
Мир фрагментарен — через осколки.

Тасует он стёклышки, чертыхаясь.
Скругляет углы, применив сноровку.
На сложенный странной мозаикой хаос
Наносит узоры и тонировку.

И курит на короточках, глядя в небо —
Сквозь прямоугольный в пыльной раме.
Он — мастер стекольного ширпотребя!
(Вчера — просто плотник на пилораме.)

Стекло загубившие пальцы ранит...
Когда с собутельниками не квасит,
Он знает, какой нанести орнамент,
Чтоб жизнь эту грустную
— приукрасить.

Перехват — передача...
И лишь пару мгновений с мячом:
Пара звёздных мгновений —
С тобой... и опять — передача.
Ну а как же иначе?
Соперник толкает плечом.
Избежать столкновений
Сложней, чем попасть под раздачу.

Я пасую, прости.
Я тебя отдаю тем, другим,
Кто немного храбрей,
У кого безупречнее дриблинг.
И пишу тебе стих,
Откровеннее сражая немой:
Тело крепнет в игре,
Но душа неминуемо гибнет.

Спорт мешая с любовью,
Фолим, не боясь контратак.
Пас бью — наискосок!
Только асы играют в основе,
Проигравший условен,
Победителей судит слабак.
Два шага — и бросок:
Мяч в кольцо. Без обиды. Game over.

БАСНЯ НЕДЕЛИ

КНУТ И ПРЯНИК

Поспорил Пряник розовый с Кнутом
О том,
Чья власть сильнее.
Пытаясь убедить его вернуть,
Эксперименты начал с тягловым скотом.
— Друзья мои! —

кричит Волам. —
Не прячьтесь, дорогие, по углам,
Ко мне на поле поспешите,
Поглубже землю распашите,
Я сладкого на ужин вам подам.
Послушали Вола, идут, хвостами машут,
Наелись досыта и вновь лежат,

не пашут.
Растерян Пряник, крутится волчком,
Охрипшим голосом Волов увещевает,
Кормушки полные доверху обещает,
Толкает к плугу розовым бочком.
Потом, отчаявшись, визгливо попрекает
Дарёным лакомым куском.
Потратил Пряник кучу слов
На обещанья и укоры.
Ничем ленивых не поднять Волов!
— Пора кончать пустые разговоры! —
Защёлкал звучно Кнут. —
Увидишь, не пройдёт и двух минут,
Вола на пашне у меня сначала запоят,
Потом кадрили весёлые запляшут!
Но грубый Кнут

так оказался крут,
Что встали бедные Вола,
Взревели, шага три прошли,
Упали на колени и не пашут!

Такого разве не случилось в жизни нашей,
Где вечно спорят Пряники с Кнутами,
А пахарь прячется от власти под кустами?!

Сергей МОЛОКОВ.

МИР КНИГ

«Дневник больничного охранника» критики признали

Одна из самых ярких и сильных книжных новинок конца прошлого года — «Дневник больничного охранника» Олега Павлова.

Олег Павлов, сейчас сорокалетний прозаик, оглушительно стартовал в начале 90-х годов циклом армейских рассказов и повестью «Казённая сказка», напечатанной в «Новом мире» и вошедшей в финал премии «Русский Букер», где она составила реальную конкуренцию роману «Генерал и его армия» уже признанного классика Георгия Владимова. Победил тогда Владимов, но за Павловым упрочилась слава дерзкого и многообещающего дебютанта. Написанная в лесковско-платоновской манере «Казённая сказка» обеспечила интерес к этому писателю на долгие годы. Его новые вещи — «Дело Матюшина», «Конец века», новые циклы рассказов, интерес этот иногда подтверждали, иногда — нет. Критика писала о Павлове по-разному, от восторгов до неприятия в критических обзорах и рецензиях был один шаг. Но отрицать Павлова как одно из самых заметных явлений в прозе последних десятилетий, кажется, не решался никто. Вышедший два года назад в журнале «Знамя» роман «Ассистент» (что значит временная остановка сердца) вошёл в финал премии «Большая книга» и получил премию «Знамени», но разброс критических суждений об этой вещи был очень высок. И вот новая книга — «Дневник больничного охранника». Небольшая по объёму, но бесконечная по содержанию, как больничные коридоры. Все уже высказавшиеся критики признают, что это несомненная удача Олега Павлова, и с этим нельзя не согласиться. Вообще это его жанр — хроника будней, в данном случае — больничных. Но суховатая манера хроники обманчива. Павлов — писатель очень сердечный и даже сентиментальный в лучшем смысле слова. Какие бы ужасы и страсти, связанные с больничным обслуживанием и работой такого малопривлекательного заведения, как морг, он ни изобразил, всё это с лихвой покрывается трогательно-сердечным отношением писателя к маленьким, незаметным людям, чьим делом всё ещё остаётся наша бесплатная медицина. Лирический пафос этой хроники не проявлен, но на самом деле очень силен. «И надо было жить — то есть выживать. Больница — куда идут с болью, то есть за избавлением от неё, конечно. Ждут сострадания. Но порой казалось, что люди обречены страдать. Таков наказание. За всё».

«Культура» вновь в газетных киосках

Выпуск «еженедельной газеты интеллигенции» — так называли «Культуру» — был временно приостановлен в октябре прошлого года. За это время изданию удалось не только справиться с финансовыми трудностями, но и значительно обновиться.

Новым главным редактором газеты «Культура» стала Елена Ямпольская. Газета, по её словам, взяла курс на «просвещённый консерватизм»: появились новые рубрики, новые авторы, новые темы — и всё это в новом оформлении. Редакция газеты «Культура» временно переехала на этаж ниже. Ждёт, когда закончится ремонт в родных кабинетах — к возрождению газеты обновить решили сразу всё, включая технику. Десять отличий «Культуры новой» от «Культуры старой» — уже в оформлении. «Мы, конечно, используем те традиции, которые накопились за 82 года существования газеты под тем или иным названием, — рассказывает Елена Ямпольская. — Но тем не менее она